

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

АЛИШЕР НАВОИ

Сочинения в десяти томах

III

Издательство “.....”

АЛИШЕР НАВОИ

СМЯТЕНИЕ ПРАВЕДНЫХ

III ТОМ

ТАШКЕНТ- 2021

Р е д к о л л е г и я

Б.А.Абдухалимов, М.Х.Асадов, О.Д.Давлатов, Н.Ильин,
Н.М.Махмудов, С.Саййид, Ш.С.Сиражиддинов, К.О.Эргашев,
Ж.С.Эшонкулов, И.Ч.Хаккулов.

Издание подготовлено к печати Институтом языка, литературы и
фольклора АН РУз

Составители тома

Р.М.Маджиди

Б.Т.Раджабова

Оформление Народного художника Республики Узбекистан
И.И.Икрамова и П.Д.Воронкина

О НИЗАМИ И О ХАСРАВЕ ДЕХЛЕВИ

Он – царь поэтов – милостью творца
Жемчужина Ганджийского венца.

Он – благородства несравненный перл,
Он в море мыслей совершенный перл.

Его саманной комнаты покой
Благоухает мускусной волной.

Подобен келье сердца бедный кров,
Но он вместил величье двух миров.

Светильник той мечети – небосвод,
Там солнце свет неистощимый льет.

Дверная пиша комнаты его –
Вход в Каабу¹, где дышит божество.

Сокровищами памяти велик
Хранитель тайн – учителя язык.

Хамсу пятью казнами назови,
Когда ее измерил Ганджави.

Там было небо чашей весовой,
А гирею батманной² – шар земной.

А всю казну, которой счета нет,
Не взвесить и не счесть за триста лет,

Он мысли на престоле красоты
Явил в словах, что как алмаз чисты.

Так он слова низал, что не людьми
А небом был он назван: «Низами»³.

И «Да святится...» как о нем сказать,
Коль в нем самом и свет и благодать?

Хоть пятибуквен слова властелин,
Но по числу – он: тысяча один!»⁴

От Бога имя это рождено!
А свойств у бога – тысяча одно.

«Алиф» начало имени творца,
Другие буквы – блеск его венца.

Шейх Низами – он перлами словес
Наполнил мир и сундуки небес.

Когда он блеск давал словам своим,
Слова вселенной меркли перед ним.

После него Индийский всадник был
В звенящей сбруе воин полный сил.

С его калама сыпался огонь,
Как пламя был его крылатый конь.

К каким бы ни стремился рубежам.
Шум и смятение поселялись там.

И в крае том, где мудрый строй царил,
Он сотни душ высоких полонил.

Его индийским я сравню царем, –
Ведь Хинд прославил он своим пером.

Все пять его волшебных повестей
Живут, как пять индийских областей.

А Шейх Ганджи собрал, как властный шах,
Казну – неистощимую в веках.

Стал от него Ганджийский край богат,
Он был не только шах, но и Фархад.

Путь прорубал он, гору бед круша...
Гора – поэзия, а речь – тиша.

Душа его, как огненная печь,
И току слез печали не истечь.

Он сходит – пир свечою озарить,

Пирующих сердца испепелить.

Когда знамена над Ганджой развил,
Он, как державу, речь объединил.

В те страны, что открыл он в мире слов,
Вослед повел полки Амир Хосров.

От старого ганджийского вина
Душа делийца навсегда пьяна.

Где б Низами шатер ни разбивал,
Потом делиец там же пировал.

С «Сокровищницей тайн» ганджиец был,
Делиец – с «Восхождением светил».

Ганджиец новым нас пленил стихом,
Делиец следовал ему во всем.

Все, что потом им подражать пошли,
К ограде сада мусор принесли.

Единственный лишь равен тем двоим,
Который, как они – неповторим.

ОБ АБДУРАХМАНЕ ДЖАМИ

Он, как звезда полярная в пути,
К познанию призван избранных вести.

Он клады перлов истины открыл,
В зеркале сердца тайну отразил.

С семи небес совлек он тьму завес,
Разбил шатер поверх семи небес.

Он обитает в мадрасе своей,
Вкушая мир среди истинных друзей.

Его цветник – высокий небосвод,
Он пьет из водоема вечных вод.

Как небо несказанное, высок
Его словоукрашенный чертог.

Там ангелы крылатые парят,
Чертог его от нечисти хранят.

Под сводом худжры, где живет мой пир,
Скажи: – не мир блистает, а Сверхмир.

Дервишеской одеждою своей
Он затмевает блеск земных царей.

Душа его есть плоть и естество,
Хоть пышно одеяние его.

От лицемерия освобожден,
Лохмотьев странничьих не носит он.

Невидимое, скрытое от нас,
Он видит, совершал свой намаз.

Его походка – молнии полет
Летящий изумляет небосвод.

Перелистав страницы мира, он
Соткал, как облак, занавес времен.

Из крови сердца, в не из чернил
Соткал он занавес – и тайну скрыл

В его чернильнице сгустилась тьма,
Но в ней – вода живая – свет ума.

Кто из его чернильницы возьмет
Хоть каплю, тот бессмертье обретет.

Стихом он все иклимы покорил,
А прозой новый мир сердцам открыл.

Им пленены дервиши и цари,
Ему верны дервиши и цари.

Но преданности в круге бытия
Столь твердой нет, как преданность моя!

Хоть солнцем вся земля озарена,
В нем и пылинка малая видна.

Один – средь певчих птиц в тени ветвей,
Шах соловей над розою своей.

Прочсть мне было прежде всех дано
Все, что ни создал мудрый Мавлоно.

Так солнце озарит вершины гор
Пред тем, как осветить земной простор.

Так видит роза, к свету бытия
Раскрыв бутон: шипы – ее друзья.

Мне помнится одна беседа с ним:
Был наших мыслей круг необозрим.

И вот – в потоке сокровенных слов –
Возникли Низами и Мир Хосров.

Две «Пятерицы» создали они,
Тревожащие мир и в наши дни.

Но среди этих дивных десяти
Ты первых два дастана предпочти.

Что ты в «Сокровищнице тайн» открыл,
Найдешь и в «Восхождении светил».

И остальные все дастаны их
Прекрасны: в них – глубины тайн живых.

«Сокровищница тайн»... в ней глубина,
Где вечных перлов россыпь рождена.

И отблеск «Восхождения светил»
Нам Истины завесу приоткрыл.

Коль слово жаром Истины горит,
Оно и камень в воду превратит.

Но если слово правды лишено,
Для перлов нитью станет ли оно?

А если нить надежна и прочна,
Без жемчуга какая ей цена?

И дни прошли после беседы с ним.
И счастье стало вожаком моим.

Вновь навестил я пира моего
И вижу рукопись в руках его.

Он сказал мне честь, велел мне сесть,
Дал мне свой «Дар», как радостную весть.

Сказал: «Возьми, за трудность не сочти,
Сначала до конца мой труд прочти!»

А я – я душу сам ему принес,
Взял в руки «Дар», не отирая слез.

«Дар чистых сердцем» тут же прочитал,
Как будто чистый жемчуг подбирал.

То – третий был дастан: хоть меньше в нем
Стихов, но больше пользы мы найдем.

С нем скрыто содержанье первых двух,

Но есть в нем все, чтоб радовался дух.

И, потрясенный, сердце я раскрыл,
Его творенье в сердце поместил.

И, завершив прочтенье песни сей,
Желанье ощутил в душе своей,

Желанье вслед великим трем идти –
Хоть шага три пройти по их пути.

Решил: писали на фарси они,
А ты на тюркском языке начни!

Хоть на фарси их подвиг был велик,
Но пусть и тюркский славится язык.

Пусть первым двум хвалой века гремят,
Но тюрки и меня благословят.

Коль сути первых двух мне свет открыт,
То будет третий мне и вождь и щит.

Когда я к цели бодро устремлюсь,
Когда с надеждой за калам возьмусь,

Я верю – инее поможет Низами,
Меня Хосров поддержит и Джами.

Тогда смелее к цели, Навои!
И пусть молчат хулители твои.

Порой бедняк, к эмиру взятый в дом,
Эмиром сам становится потом.

Ведь мускус родствен коже; а рубин
Из горных добыт каменных глубин.

Сад четырех стихий – усладный хмель;
Ограда сада – бедная скудель.

Отрадны пламя, воздух и вода,
Земля же – их основа навсегда.

Красив цветочный дорогой базар,
Но рядом есть и дровяной базар.

Пусть у тебя одежд атласных тьма,
Но ведь нужна для дома и кошма.

В цене высокой жемчуг южных вод,
Солому же один янтарь влечет.

Царь выпьет чистый сок лозы златой,
Пьянчужка рэнд⁵ потом допьет отстой.

Я псом себя смиренным ощутил –
И вслед великим двинуться решил.

Куда б ни шли, и в степь небытия,
Везде, как тень, пойду за ними я.

Пусть в подземелье скроются глухом,
За ними я пойду – их верным псом.
